

Антон Звтушенко
Покидая Вавилон

Антон Александрович Евтушенко

Покидая Вавилон

Текст предоставлен правообладателем

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=8647986

Покидая Вавилон: Повесть. / Евтушенко А.: Продюсерский центр Александра Гриценко; Москва; 2015

ISBN 978-5-9905868-7-1

Аннотация

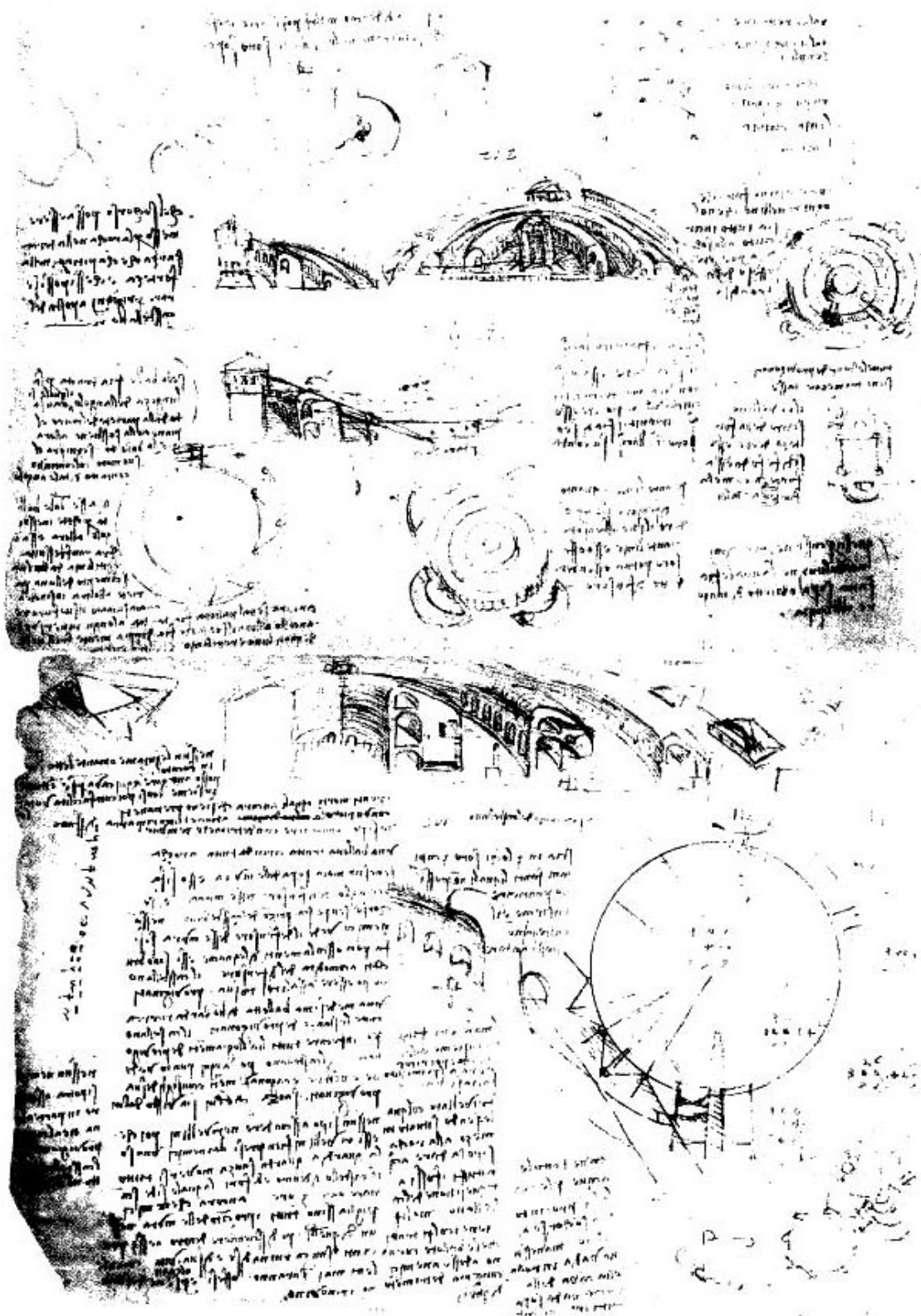
Идеалы и идолы: такие созвучные, но разные слова. Стремясь к заоблачным идеалам, мы порою создаём себе земных идолов, поклонение которым становится самоцелью, замещая саму идею, цель. С этим сталкивается герой повести «Покидая Вавилон» Доменико Джованни. Автор даёт возможность на короткое время побыть читателю вершителем судеб и самому определить, останется герой при своих идолах или отпустит их и начнёт жить заново. Но в ряду идолопоклонников автор настойчиво пытается усмотреть не персонаж, а целый народ. Одна путеводная звезда ведёт человека и страну: политическая арена Украины, не желая меняться, искусно маскируется старым режимом. Звуками революционных призывов она несётся из одного десятилетия в другое, и в этом судьба человека и страны схожа.

Содержание

Глава 1	4
Глава 2	11
Глава 3	16
Конец ознакомительного фрагмента.	22

Антон Евтушенко Покидая Вавилон

Глава 1

Нет веры политикам, синоптикам и маклерам. В этой незыблемой, непоколебимой фразе, честно слизанной с отцовских дневников, Доменико убеждался ежедневно. И если с ложью политиков и маклеров приходилось мириться в силу убеждений, что, мол, одних портит власть, а других – деньги, то третьих, откровенно говоря, не оправдывало ничто.

Брезгливо морщась, Доменико Джованни осторожно тронул носком лакового туфля свежее зеркало лужи, вмешавшее прозрачное, словно гигантский аквариум, здание аэропорта вместе с буквами голубого неона "Київ" и безразличной серой эмалью низкого неба.

Овал заволновался, заходил бурунами, словно расстроенный телеприёмник, потерял фокус и цвет и окончательно захлебнулся мелкой рябью помех. Противная морось в отместку переросла в осенний дождь. «Ну вот», – рассердился Доменико, припоминая, как ещё пару часов назад перед вылетом в Загребе он проверял прогноз погоды на предстоящий день в украинской столице. Дожди шли стороной – и зонт сегодня лишний спутник для краткого свидания с городом. От дождя у Доменико портилась причёска – его шикарные завитки свисали вниз упрямыми неподатливыми пасмами. Смоляные, завитые в пружины и зализанные назад волосы, массивные ляжки и демоническая страсть в глазах достались Доменико от отца Аурелио Джованни, уроженца Лидо-ди-Йезоло. Знающий себе цену итальянец сокрушённо кивал головой, когда кто-то пенял на его недостатки. И как любой другой итальянец, никакую критику он не воспринимал достаточно всерьёз, чтобы перевоспитаться. Правда одна: французов Аурелио недолюбливал. Уж очень спесивы, разорился он, эти потомки древних галлов. Свысока глядят на заальпийских соседей, заполонили рынок третьесортным вином, которое ни один итальянец в здравом уме пить не станет. Вот тут-то Аурелио кривил душой. Итальянские рестораны охотно брали французские сорта, отчего Джованни, владелец винных погребов, терпел солидные убытки. Не чувствуя потребности менять свои привычки, виноторговец шёл наперекор судьбе и часто совершал поступки, о которых впоследствии сожалел. Сожаление без покаяния было ещё одной чертой строптивого макаронника. По общему мнению тех же французов, всякий итальянец – это шумный, нервный, пройдошистый тип, чей ум и природная изобретательность опорочены изнеженностью, излишним празднотлюбием и необъятной ленью.

Из стремления не сколько спасти свой бизнес – это здорово пахивало нешуточными вложениями, – а больше из желания насолить конкурентам, Джованни заключал заведомо невыгодные контракты с рестораторами Иллирска-Бистрицы, в местечке на границе Хорватии и Словении, на поставку вин. Обязательные в этом случае деловые встречи, как правило, выливались в шумные бардальеры с обилием вина и молодых хорваток, про которых говорят, кровь с молоком. Эта гремучая смесь разжигала в Аурелио кипучую страсть пленительного ловеласа, и тогда любые границы переставали быть помехой.

Доменико мог гордиться итальянской кровью, струившейся в его жилах. Но он часто замалчивал о хорватских корнях. Свою мать Дубравку Йованич Доменико помнил смутно. Всё что осталось от неё – язык и имя, которыми она наградила сына, вопреки желанию мужа. Доменико мог гордиться итальянской кровью, которой в нём наполовину. Но он часто замалчивал о разорении фирмы Джованни, о несостоятельности отца как семьянина, о его частых попойках, переросших с годами в тяжелую неизлечимую зависимость. Метис по крови, Доменико не любил распространяться о своем происхождении. Характерные черты внешности играли на руку и выдавали в нём исключительного итальянца без изъяна и претензии на родословную. Лицо, опалённое южным солнцем, наполовину закрывали бакенбарды и густая чёрная борода, стриженная коротко. Широкий от рождения лоб к тридцати пяти успел покрыться сеткой продольных морщинок и двумя глубокими лобно-носовыми складками, придающими Доменико вид brutального щёголя, впрочем, не без шарма. Лицо его внушало почтение, но не страх. Одетый в твидовый костюм-тройку и лёгкий осенний плащ цвета сухой глины, он скрипел каблуками новых лакированных туфель, ещё хранящих запах родной мануфактуры. Озираясь по сторонам, он всю брал прихоти небесной канцелярии.

– Шановний, таксі треба? – Поигрывая брелоком с ключами, к Доменико подошёл низкорослый мужичонка с толстой шеей и мясистым, красным, как морковь, лицом. Одет он был простовато: в кожаную куртку, надетую поверх обвисшего, ручной вязки, свитера и синих джинсов, затёртых чуть выше колена до дыр. – Sir, you need a taxi? – с жутким акцентом уточнил он, прочитав в глазах приезжего недоумение.

– Сколько? – вежливо и почти без акцента уточнил клиент.

– О, как! – восхитился таксист. – По-русски, стало быть, фигачишь? – Он любезно указал в сторону припаркованного невдалеке жёлто-песочного "ниссана" с фирменными шашечками на дверцах. – Договоримся, хлопец. Договоримся! Где твой багаж?

– Нет багажа, – простодушно ответил Доменико и плюхнулся на заднее сиденье таксомотора.

– Панас, – посчитал нужным представиться водитель такси, с интересом разглядывая клиента через зеркало заднего обзора. Автомобиль, повизгивая покрышками на поворотах, вырулил из зоны парковки и уже через пару минут они влились в плотный поток машин на Воздухофлотском проспекте.

– Хорошо, я запомню, – пообещал Доменико.

– А откуда родом? – Очевидно, беседа уже была включена в перечень услуг, потому Панас не собирался так легко сдаваться.

Доменико вздохнул. «Откуда родом?» – для итальянца больше, чем вопрос. Услышав его, тот не смутится, не станет мямлить. Итальянец точно знает, откуда родом, оттого повсюду таскает с собой малую родину – в диалектах и сплетнях, в обычаях и привычках. Любой итальянец скажет вам, происхождение человека тесно связано с понятием "campanilismo" – взгляд со своей колокольни, верность своим пенатам, лучше которых не сыскать во всём мире. Но с этим-то как раз и была загвоздка.

– Из Хорватии, – сказал Доменико и почувствовал, как ему только что наступили на любимый мозоль.

– На хорвата не тянешь, – усомнился Панас. – На итальянца похож, ей Богу!

– Так оно и есть. Но родился в Хорватии.

– А по-русски где так научился, а?

– Там же, в Хорватии, – пояснил Доменико. – Русских везде много.

– Твоя правда! – кивнул Панас. – Вот плюнь и обязательно попадёшь в русского. Задолбал уже большой брат со своими народными массами! Думаешь чего, украинский народ майданит уже вторую неделю, а? Потому что достало путинское быдло, понимаешь, до-стало! Вот оно уже где! – И Панас постучал ребром ладони по выпирающему кадыку.

– Я вне политики! – сухо отрезал Доменико, отсекая всякие разговоры на эту тему.

– Да какой ты к чёрту тогда итальянец, если вне политики? – удивился Панас. – Один ваш Берлускони чего стоит!

– Мода на скандалы вокруг премьера сошла на нет, едва бедолага угодил в тюрьму, – ответил пассажир.

– Он получил своё! – довольно кивнул таксист и зло надавил на клаксон. – Ну, придурок, ну куда, спрашивается, лезешь-то поперёк батьки в пекло? – Он резко выкрутил баранку влево и сложным манёвром обогнул нерадивого водителя, ставшего на пути таксиста. – Нарожали, бля, инвалидов!

Доменико пропустил мимо ушей длинный нелитературный слог Панаса. Он отвернулся и утонул в пейзаже, что рисовал город в узорах дождя. «А послезавтра зима», – тоскливо подумалось ему. Он отвернул лацкан пиджака, за которым обнаружился карман. Кончиками пальцев – среднего и указательного – выудил оттуда электронную сигарету и без удовольствия стал вдыхать водяные пары, насыщенные никотином.

– Но как с этим жить? Как, я спрашиваю, таким уродам вообще доверяют машины? – возмутился таксист. Он снова стрельнул взглядом в зеркало заднего вида и ухватился за новую тему: – Ты гляди, придумают же цацек! А чё, покурить обыкновенную папироску уж и не судьба? – И он любезно протянул пассажиру початую пачку сигарет.

– Спасибо, я бросаю!

– Ага, ну-ну! – кивнул Панас и зубами вытащил из пачки белый цилиндрик. Щелкнул прикуривателем и запыхтел вовсю сигаретой.

Доменико вдохнул сладкий табачный дым и гневно стрельнул взглядом на водителя. Тот, впрочем, был занят дорогой и не обратил на это никакого внимания. Доменико убрал бесполезную имитацию обратно в карман и пальцами помассировал виски.

Вспыльчивость итальянцев, жителей Аппенин, людей по темпераменту беспокойных, энергичных, переменчивых в настроении и эмоциях, широко известна за пределами самой Италии. Сейчас Доменико сдерживала разве что его динарская кровь и слова отца, часто любившего повторять: «*Raesi che vai, usanze che trovi*» – в странах, куда придёшь, поступай по обычаям, которые найдёшь. Дубравка обычно после этих слов расстраивалась: в них она видела свою истину, внятно толковавшую о том, отчего отец всё же женился на ней, будучи обручённым с другой. Тогда она уже носила под сердцем Доменико.

Аурелио, вообще, любил мешать житейскую мудрость с вином. Вливая одно, он тут же изливал другое. В такие минуты он позволял себе откровенности, на которые вряд ли решился, будучи трезвым. Всё чаще в его словах сквозила неприязнь к взрослому сыну, который своим характером напоминал мать, и это больно ранило самолюбивого отца. «У итальянцев бытует шутливая поговорка о самих себе, – говорил Аурелио заплетающимся языком после пары-тройки стаканчиков граппы, – «Если нам связать руки за спиной, то мы не сможем говорить». После этого он принимался ржать, как безумный; некрасивый, омерзительный смех: изо рта летела слюна, колыхался в волнах жира голый волосатый живот. Потом неожиданно замолкал и очень грустным голосом присовокуплял, обращаясь к Доменико: «А ты – сможешь...»

– Я попрошу всё же не курить! – выдавил Доменико с упором на частицу "не", выместив весь гнев на кнопке и вдавив её с такой силой, что пластик жалобно закрипел, а боковое стекло поспешно ушло вниз, впуслав в салон волны свежего воздуха.

– Ах, простите, Бога ради! – принялся искренне извиняться Панас, поспешно туша окурок в пепельнице. – Я когда начинаю говорить о москалях, сам не свой становлюсь. Зло так и берёт! – и он не без удовольствия вернулся к прежнему разговору: – Вот вы, к примеру, на Крещатик попросили. Я везу. А зачем вам туда? Я не спрашиваю. Я знаю...

– И зачем? – спросил Доменико.

– А чё тут гадать на кофейной гуще, когда всё, как Божий свет ясно. На Евромайдан посмотреть охота? Ну конечно. Сейчас в Европе только и разговоров, что об этом. Ладно Европа, так и русских распирает любопытство. Путин сделал предложение в духе дон Корлеоне, от которого отказаться невозможно. А Янукович главировал, главировал, да не выглавило... тьфу ты, – в сердцах сплюнул Панас, споткнувшись на переиначенной скороговорке, и для простоты пояснил: – Короче, обосрался.

– *È sordo!* Вы оглохли? – воскликнул Доменико, сражённый наповал не то наглостью, не то бестактностью визави, а может, и тем, и другим. – Я, кажется, ясно дал понять, что политикой не интересуюсь.

Панас обиженно замолчал и какое-то время крутил баранку молча. К воздуху, ворвавшемуся внутрь салона, примешался особый урбанистический аромат – это такси стало петлять по переулкам, объезжая особенно глухие заторы. Острая смесь выхлопных газов, бензина, пережаренного мяса, прелых тряпок, мочи и ещё чего-то жутко незнакомого, одинаково неприятного. Доменико был вынужден закрыть окно.

– И всё-таки, простите, что любопытствую, разве вы в Киеве по другим делам? – после длинной паузы осторожно осведомился таксист.

– Представьте себе!

– Ох, прямо гора с плеч, ей Богу, – облегчённо вздохнул таксист. – Верите – нет, за сегодня уже пятого иностранца везу на Майдан. Ну, вы шестой будете... Так, стало быть, по другим делам?

– Sì, – коротко ответил тот.

На дороге снова возникла спорная ситуация. Панас резко дал по тормозам и наполовину вылез в окно, обкладывая лютыми матюгами гнилой рыдван, попытавшийся втиснуться со второстепенной на главную аккурат перед капотом "ниссана".

– Ну, это вообще уже! – Голова Панаса снова оказалась в салоне. – Так нельзя! Столько машин у всех, а водить никто не умеет.

– А долго ещё? – уточнил Доменико, с тоскою наблюдая поток машин, который полз едва быстрее спешащих мимо по тротуарам людей.

– Мы такие вопросы не любим! – парировал таксист. – Надо быстрее – езжайте на метро. Но такси надёжнее. Там впереди – катают асфальт. Метров шестьсот ещё бы продержаться, дальше – лучше. Так, вообще, город пустой. Говорю же: все на майдане.

– Майдан, майдан. Что за майдан?

– Майдан Незалежности, – пояснил Панас. – Значит Площадь Независимости. У нас тут, на секундочку, революция.

– Мне нет дела до вашей революции, – честно признался Доменико. – Я не предполагал, что у вас тут такое творится.

– Ну вот, – расстроился таксист. – А в Италии, наверно, пишут только о Саркази и Берлускони? На остальных пустых колонок, что ли, не остаётся?

– Нет мне дела до политиков, – напомнил Доменико. – А скандалов вокруг премьеров хватает везде. Взять хотя бы Иво Санадера¹...

– Да какая разница! – махнул тот рукой. – Всё одно: Европа. Я перед вами, кстати, латыша подвозил. Капал мне на мозг битый час: бедная-бедная Латвия!

Была Европой в СССР, а теперь стала её задворками. Втирал мне что-то про государственные границы и суверенитет. Жаловался, значит, ни тяжёлой тебе, понимаешь, промышленности, ни станкостроения, ни ансамбля песни и пляски Прибалтийского военного округа. Зарплаты маленькие. Молодёжь дома не сидит – по "европам" шакалит. А фиг ли мне жаловаться, говорю. Радуйтесь, говорю, что когда спускаешься вниз, в частную жизнь, то всё меняется. Приходится говорить про европейскую провинцию. Да, провинцию, но европейскую. Главное достоинство которой в том, что русской вони там нет.

– А чем это русские вам так насолили?

– Я тебе скажу так, – Панас повернулся через плечо и прищурил глаз, внимательно изучая пассажира, словно пытался его в чём-то заподозрить или уличить. – Наиглавнейшая примета вонючего быдла из путинской подворотни – это святая уверенность в том, что все остальные люди такие же, как оно – путинское быдло! – Сзади протяжно засигналили и водителю пришлось вернуться к дороге. – Только другие, по их глубокому убеждению, – продолжил он, уже не оборачиваясь, – к тому же, ещё и нищелюбы. У них нет ни нефтегаза, ни олимпийского, сука, золота, ни Григория Лепса, ни Елены Ваенги, ни духовных скреп. Одним словом, ни-че-го! При таком раскладе, единственное, что может защитить Украину от барино-холопской России – присоединение к Европе...

Неожиданно путь преградил чумазый рабочий в сигнальной жилетке ярко-оранжевого цвета. В руках он держал лопату, которой проворно загребал горячую смесь асфальта и гудрона из рядом стоящего асфальтоукладчика на выскобленное отбойными молотками дорожное полотно.

¹ Иво Санадер – бывший премьер-министр и лидер партии «Хорватское демократическое содружество», обвинённый в коррупции и отмывании государственных денег.

– Он не прав? – спросил Доменико.

– Кто? – не понял Панас.

– Ну, русский! Вы лучше, чем он?

– М-мм...?

– Чем вы отличаетесь от России? – искренне удивился Доменико. – Общими предками? Степенью независимости от политического строя? Или, может, менталитетом? Да вы даже дороги ремонтируете одинаково inefficiente... м-мм, как это сказать по-русски... неэффективно. Что изменится, когда вы станете частью Европы? Вы перестанете класть асфальт в дождь? Вряд ли. Что вам может дать Евросоюз, у которого своих проблем un sacco e un piccolo carrello?

– Чего?

– Вагон и маленькая тележка! Так вы, кажется, говорите, когда этих самых проблем много?

– А-аа, – протянул Панас, утвердительно кивая головой. – Такси наконец, как и было обещано, вырвалось из плотного потока. Почувствовав свободу, двигатель взревел, и машина невзирая на ограничение скорости понеслась по полупустому бульвару Тараса Шевченко. – Деньги, понятное дело, в последнюю очередь, – согласился водитель. – Но, в первую очередь, защиту от дикого средневекового российского уклада. А дороги... ты не смотри... сегодня дождь не обещали – я сам прогноз слышал.

Джованни промолчал. Машина свернула с бульвара налево и подъехала к наземному вестибюлю станции метро. Над куполообразным зданием с водружённой над козырьком зелёной буквой "М" развевался сине-жёлтый флаг Украины.

– Мы на месте? – спросил он.

– Да. Станция метро «Крещатик».

– Евро берёте? – запоздало уточнил Доменико, раскрывая бумажник и с досадой обнаруживая, что забыл в аэропорту обменять гривны.

– Конечно! – засмеялся Панас. – Скоро только их, родимые, и будем брать!

– Сколько?

– Двадцать. Чаевые уже включены!

– Мне кажется, – сказал Доменико, протягивая смятую купюру, – вы либо ханжа, либо просто неискренни по отношению к самому себе.

– Чего? – не понял таксист. – Обидел ценой, что ли?

– Меня, как раз, нет! – сказал Доменико и выскочил из машины, уже в дверях добавил: – Вы ругаете русских на их же языке, говорите на нём, словно на родном, без акцента. Заправляетесь русским бензином и, уверен, за свои услуги охотно берёте российские рубли. Что же это, как не лицемерие?

Глава 2

Лев Робертович отщёлкнул крышку мобильного телефона и, наверно, в сотый раз убедился, что аппарат исправно видит сеть, а до назначенного делового свидания ещё остаётся немного времени. Телефон безмолвствовал. Хозяин покрутил его в руках, пытаясь хоть чем-то занять руки, но, уронив телефон на грязный асфальт, чертыхнувшись, поднял трясушимися руками и вернул обратно в оттопыренный карман драпового пальто, даже не потрудившись обтереть испачканный грязью пластик. Хотелось курить, но сигарет не было – стрелять у прохожих Льву всегда казалось унижительным. Но ещё больше чем курить, хотелось пить, причём большими глотками и без закуски. Неважно что. Лишь бы это что-то содержало алкоголь. Тогда бы и руки перестали трястись, и едва сдерживаемое волнение сошло на нет. Поскрести мелочь по карманам, на чекушку, глядишь, и наберётся, но эти свои крамольные мысли Лев Робертович тут же поспешно оборвал – пить сейчас ни в коем разе, никак нельзя.

Время тянулось медленно. Припустил дождь, разогнав уличных торговцев газетами и жвачкой, заставил прохожих потянуться за зонтами. Лысеющая голова начала мёрзнуть, пришлось одолжить полиэтиленовый пакет у пригоршни семечек, ютившихся в кармане брюк, и нахлобучивать на голову. Несколько часов томительного ожидания вконец измотали Льва Робертовича – выглядел он теперь совсем неважно. Его одутловатое лицо, обильно поросшее трёхдневной щетиной, излучало беспокойство. Маленькие глазки, по-лисьему хитрые и по-волчье злобные, внимательно ощупывали прохожих. Воспалённые от безумного напряжения, может, и от ветра, они постоянно слезились, отчего Лев попеременно оттирал их кулаком то левой, то правой руки.

Сегодня Лев Робертович очень боялся опоздать и появился у станции метро гораздо раньше назначенного часа. «Так спокойнее, – решил он, – да и Валя не заподозрит лишнего». Валентина Даниловна, супруга Льва Робертовича, действительно, не имела сегодня ни малейшего повода уличить мужа в странном поведении. Тот, как обычно это бывало по пятницам, собрал сумку с остатками книг домашней библиотеки Данилы Вениаминыча и, выпив перед дорогой стакан дешёвого растворимого кофе, буркнул что-то на прощание жене, отправился на книжный развал к Гаваньскому мосту. Дойдя до остановки троллейбуса, Лев, словно агент под прикрытием, внимательно осмотрелся по сторонам, рыская взглядом, нет ли "хвоста", и только после этого решительно зашагал прочь от остановки, к зияющему проёму метрополитена на другой стороне пешеходного перехода, где в благодушном расположении духа разрешил эскалатору поглотить себя.

Сойдя на станции "Крещатик" он снова испереживался и, попеременно оглядываясь по сторонам, выбрался наружу. Уже наверху неожиданно для самого себя сообразил, что по-прежнему крепко сжимает в руке тяжёлую сумку, набитую книгами. Тогда он запустил пальцы в торцевой карман сумки и извлёк на свет газетный свёрток, который спешно запихал под внутреннюю подкладку пальто. Книги же постигла печальная участь. Словно от важных улик, Лев скороспешно избавился от них у мусорного контейнера, тут же, возле станции метро. Забрэнчал телефон. Лев судорожно взглянул на дисплей, прижал телефон к уху.

– Алло? Слушаю! – Он замер, вслушиваясь в голос на том конце трубки. – Звичайно, в силі! – обрадовано крикнул он в ответ. – А ви де? Я щось не бачу... Рукою махаєте? – Лев поднял глаза и обнаружил у киоска, шагах в пятнадцати от него самого, размахивающего руками человека. Больше не говоря ни слова, он отключился и, с трудом веря в происходящее, двинулся на ватных ногах к незнакомцу.

Незнакомец очень быстро обозначился в контурах. Перед Львом Робертовичем стоял Доменико Джованни.

– Извините, я немного задержался! – сказал Доменико и протянул Льву широкую ладонь. – Совсем беда с дорогами...

– Нічого! Я радий, що ви всё ж таки приїхали, – со стеснением ответил тот, срывая с головы пакет, судорожно пихая в карман пальто. Он принял рукопожатие и энергично потряс руку Доменико.

– Как иначе? – удивился тот. – Уговор!

– Сумнівався до останнього! – честно признался Лев и спохватился: – Ви тут вперше? Може, куди заїдемо погрітись, заодно і обговоримо наше діло. Знаю поблизу одне славне містечко.

Но в глазах иностранца Лев Робертович вдруг усмотрел сомнение и настороженность.

– Не бійтеся! – украдкой шепнул он на ухо, словно боялся, что их могут подслушать. – Це близько. Розпивочний на Архітектора Городецького. Дві хвилини пехом. Там завжди людно! – заверил Лев и искренне добавил: – Дуже змерз я.

– Ладно! – сдался Доменико. – Я тоже не прочь очутиться где-нибудь в тёплом и уютном месте. Это ваша киевская погода совсем никуда не годится.

То, что Лев назвал распивочной, на деле оказалось солидным заведением с недвусмысленной вывеской "Warsteiner Pub". Иногда он навещался сюда, в редких случаях сам, всё чаще с кем-то, кто мог щедро оплатить его счёт. Выпивка здесь была отменная, особенно пиво, но цены жутко кусались, отчего в иные дни, когда приятели мельчали на кошелёк, он сам звал их, но не в дорогой паб, а в рюмочную "Подмостки", что находилась аккуратно под Гаваньским мостом. Его завсегдатаям не стоило заботиться о дресс-коде или фейс-контроле – рюмочная под мостом всегда была лояльна к своим посетителям, и являла собой опалённый пожарами остов троллейбуса городского маршрута номер 13. Проемы окон, заботливо заколоченные фанерой, пластиковые столы, обитые клеёнкой, и самый широкий ассортимент подпольных спиртных напитков делал "Подмостки" чрезвычайно популярным заведением среди местных выпивох.

На входе их встретил швейцар. Приветственно приподняв фуражку, он препроводил их внутрь.

– Тут добре! – Лев Робертович доверчиво улыбнулся Доменико.

Зал с облицовкой из небрежно притёсанного друг к другу кирпича оказался весьма просторным, но тёмным из-за неимения окон. Паб обитал на цокольном этаже и недостаток естественного освещения с лихвой компенсировал винтажными фонарями, вмонтированными прямо в стену. Пылающий камин добавлял заведению уюта. В это время дня зал пустовал, разве что барная стойка оказалась занята сомнительным типом. Тот сидел, склонившись над закуской в белоснежной квадратной тарелке, и цедил запотевшую рюмку.

Освободившись от верхней одежды, Лев, казалось, напрочь забыл про собеседника. Он, словно малое дитя, подбежал к камину, присел на полусогнутых и с вожделением потянул ладони к языкам пламени. Немного отогревшись, он, впрочем, тут же вернулся к растерянному Доменико и указал на один из пустовавших столиков.

– Тут добре! – повторил он. – Я замовлю по пиву, з вашого дозволу?

– Сначала дело! – серьёзно ответил тот, переменившись в лице.

– Так, звичайно, як скажете! Але я все ж вип'ю! – совсем осмелев, Лев щёлкнул пальцами, подзывая официантку в накрахмаленном кружевном переднике. Та незамедлительно явилась с подносом, на котором стояла закупоренная бутылка питьевой воды и два массивных низких стакана.

– Добрий день, панове! Чого бажаєте? – Молодая девушка выгрузила содержимое подноса на стол и широко улыбнулась.

– М-мм... – Лев облизал губы, борясь с каким-то внутренним желанием. Затем выпалил, словно боялся, что передумает: – Графинчик біленької, грамів триста, одну стопку і квашеної капусти!

– Добре! – кивнула она и обратилась к Доменико: – А вам?

– Спасибо, пока ничего!

Официантка кротко кивнула и уже вознамерилась продефилировать на своих тонких шпильках по направлению к барной стойке, как тут же была поймана за рукав.

– Щось забули? – Она терпеливо отстранилась от потных, трясущихся рук Льва.

– Мила моя, і папіросок краще принеси!

Когда официантка удалилась исполнять заказ, Доменико перегнулся через стол и зашептал на ухо Льву:

– Послушайте, вы что надумали? Через три часа у меня самолёт в Венецию. Вы уверяли, что сделка состоится! Мне даже пришлось уступить маклеру, чтобы оформить срочную продажу дома и получить наличные сегодня...

– Я не посмів, – испуганно заголосил Лев. – Все в силі. Просто мені треба випити.

– Вы алкоголик?

– Залиште, Христа ради! Мені виключно для сугреву! – искренне обиделся Лев Робертович. Впрочем, про себя он ликовал и уже праздновал победу. Клиент упомянул про деньги. Деньги! Значит, всё случится. Значит, всё будет!

Когда на столе появился вожделенный графин, Лев немедленно налил стопку и в один глоток осушил её до дна. После этого налил вторую и объявил короткий тост:

– Щоб всё сталося! – и выпил. Затем облокотился на велюровую спинку стула и неспешно закурил сигарету.

– Ну? – нетерпеливо воскликнул Доменико. – Ora, su, presto!²

– Звідки так добре знаєте мову москалей? – спросил вдруг Лев. Ему, уроженцу Западной Сибири, стало интересно и немного обидно, откуда визави так сносно владеет русским.

Какое-то время Доменико молча смотрел на развалившегося и уже порядком разомлевшего от спиртного и жары сибиряка. Затем он резко потянулся к собеседнику и схватил его за ворот рубашки.

– Lei con te o no? Rispondi stesso, idiota!³ – заорал Джованни, брызжа от злости слюной, подскочил с места и, перевалившись через стол, ухватился за Льва и что было силы затряс того.

– Не р-розумію! Н-не розумію! – запричитал побледневший Лев, заикаясь от страха. Его голова безвольно болталась из стороны в сторону, словно переспелый плод на ветке дерева.

– Чего ты не разумеешь, морда? Чего? Я спрашиваю: ты принёс? Ты принёс или нет?

– Приніс, окаянний! Тут в кишені! Ось!

Одинокий посетитель за барной стойкой повернулся на шум и теперь с любопытством наблюдал за парочкой. Доменико ослабил хватку, заприметив выбежавшую к барной стойке официантку. Он приветливо ей помахал и улыбнулся. Затем пригладил сбившиеся волосы и вернулся на своё место.

– Всі приніс! – Лев немедленно похлопал себя по карманам, но вдруг обнаружил, что пальто осталось висеть на вешалке у входа. – В пальто. В пальто! – Он посеменил в его сторону, нащупал вожделенный свёрток и вскоре вернулся обратно с ним.

– Ось! – сказал он, задыхаясь от страха, мгновенно протрезвев. Он положил свёрток на середину стола, но руку не убрал. – Покажи спочатку гроші!

² Теперь же, скорее! (итал.)

³ Она с тобой или нет? Отвечай же, идиот! (итал.)

Джованни глянул пронзительным, сверкающим взглядом, от которого у Льва внутри всё сжалось, похолодело.

– Bene!⁴ – процедил сквозь зубы иностранец и полез в карман. На свет появилась тугая пачка купюр, опломбированная банковской лентой. На глазах изумлённого Льва он надорвал ленту и вырвал из стопки самую верхнюю банкноту достоинством в 200 евро, по вертел её перед носом собеседника и поспешно спрятал обратно. Лев судорожно сглотнул и убрал руку от свёртка.

Доменико зажёб свёрток и принялся с остервенением рвать хрустящую бумагу. Наконец мелькнуло то, что находилось под ворохом газет – бытовой пластиковый контейнер для хранения еды. Доменико сорвал крышку и непонимающе уставился на Льва. Внутри лежали бутерброды с нарезанной ветчиной, украшенные подвялыми листьями салата.

– Дурна баба! От дурёпа!! – Лев Робертович схватился за голову и заскулил. Затем вскочил как полоумный и бросился наутёк. Сзади громыхали проклятия – голос Доменико захлёбывался и дрожал от безудержной ярости. В выражениях он переходил то на хорватский, то на итальянский. Бледный, со вздрагивающей верхней губой, Лев взлетел вверх по ступенькам, сбил с ног швейцара и, тяжело дыша, понёсся к станции метро.

«Нелепица! Конфуз!! – стучали в голове мысли. – Но лишь бы успеть. Лишь бы успеть, а там всё образуется, всё разъяснится, всё станет на свои места». Отчего не догадался он проверить свёрток? Лев ругал себя за скудость внимания и Валентину, наоборот, за её излишнюю внимательность. «Вот удумала, баба, удружить-то. И ведь когда? Именно сегодня. Взять из кухонного шкафа контейнер, эту чёртову бутербродницу из набора, который он самолично покупал в хозяйственном. Семь предметов, семь, мать их, предметов – одинаковых. Только цвета разного крышки! Ох, зачем он купил эту матрёшку! Зачем?»

Впереди показалась знакомая станция. Но мусорные баки находились с другой стороны метрополитена, и отсюда было не видать, на месте сумка или нет. «Вот же ирония, – исходился желчью Лев Робертович, – положить в сумку треклятые бутерброды и завернуть в газету. Словно, старая ведьма, подсмотрела за ним. И как ловко! Ведь свертки-то один в один». Лев скривился, не то от саднящей покалывающей боли в боку, не то от осенившей его мысли. «Знала! – злобно и раздражительно прохрипел Лев, расталкивая руками недоумённых прохожих. – Виходить, знала і підстроїла, щоб посміятися. Ось, відьма!»

В этот самый момент, скандируя лозунги, по Крещатику неровным строем зашагала группа разношёрстных людей. Впереди идущий высокорослый мужчина средних лет, в кожаной коричневой куртке и очках-велосипедах, держал над головой плакат, набитый на листе фанеры и изображавший шарж на глав России и Украины. Российскому лидеру художник вложил в уста фразу «всё путём». Путин дёргал многочисленные ниточки, ведущие к марионетке, сильно смахивающую на Януковича. Скандировавшие – было их всего человек около тридцати-сорока – держали в руках отпечатанные на принтере белоснежные листки с текстом и громогласно читали написанное: «Хочеш бути справжнім європейцем? Почни зі своєї культури! Говори "дякую", "будь ласка" та "пробач". Не осуджуй інших за мову спілкування чи зовнішній вигляд. Стань частиною терезої нації. Європа починається з тебе! Yes, ЄС!»

Речитатив выходил из ряда вон как плохо, хотя, очевидно, что протестующие честно старались. Революционный настрой постоянно портили разные бытовые мелочи: то шнурок у кого-то развяжется и хор тут же спотыкался из-за одного, а то и целые группки по несколько человек откалывались от строя в желании перекурить. Ко всему прочему накрапывающий дождь разбавлял шествие пустыми прорехами в строю и до места массовых митингов рисковали дойти не все.

⁴ Хорошо! (итал.)

Лев врзался в толпу, подминая левый фланг, и со всего размаху полетел на землю, увлекая за собой сразу пятерых. Пальто напитало влагу с лужи и в боку неприятно захолодило.

– Чорт! – выругался Лев и в ту же секунду получил смачный удар кулаком по скуле. – Що ж ти, паскудо, витворяєш? – рассвирепел он, схватившись рукой за лицо.

– Це, що ти ти, гнида, витворяєш? – Ударивший вскочил на ноги и больно пнул в бок Льва Робертовича.

– От мерзота! – поддержал другой. – Хлопці, це провокація!

Толпа взревела и сразу несколько человек принялись наотмашь бить лежащего на земле и корчащегося от боли Льва. Инстинктивно закрыв лицо руками, Лев Робертович думал о сумке. Он не мог видеть её и не знал, на месте ли она ещё. Но встать и дойти до неё уже решительно не было никакой возможности – озверевшая толпа, разглядев в спившемся букинисте провокатора, с оглушающей жестокостью добивала противника. Во рту стоял отвратительный металлический привкус крови, а голова сотрясалась от мощных ударов. Последнее, что запомнил Лев Робертович, это испачканные кровью и грязью отпечатанные на принтере листки, в беспорядке лежащие на асфальте перед ним. И строчки, отзывающиеся эхом в унисон ударам: "дякую", "будь ласка", "пробач".

Глава 3

– Чаю? – предложила Соня, ювелирных размеров брюнетка, с очаровательно-неряшливыми локонами, подстриженными под каре. В руках, облачённых в казинетовые митенки, она зажимала крошечную фарфоровую гайвань, из-под крышечки которой вырывались облачка пара.

– Можно, – на губах Кирилла заиграла улыбка. Он оторвался от мерцающего экрана ноутбука и с благодарностью принял напиток.

– Холодает, – пожаловалась она.

– Вечереет, – согласился он, прихлёбывая из чашки с замысловатыми китайскими иероглифами. – Валя обещал гуманитарку ближе к вечеру: сухие дождевики, запасные батарейки, бутерброды, чай...

– Чаем и бутербродами я обеспечу тебя без всяких там "валеи"! – хмыкнула она.

Кирилл поправил сползшие на переносицу очки и улыбнулся, едва заметно, одними краями губ. На вид ему было едва больше тридцати, короткостриженный, с длинным вытянутым лицом и красным от холода носом. Шею обрамлял толстый вязаный шарф, надетый поверх дутой болоньевой куртки.

– Кстати, а что за чай?

– Те Гуань Инь, – тихо сказала Соня и пояснила:

– Это южнофуцзянский улун.

– Какой невообразимый словесный ералаш! – пожаловался Кирилл. – Как ты в нём разбираешься – ума не приложу!

– Так же, как и ты в своих топиках, тегах, блогах!

– парировала Соня. – Каждый человек мастер исключительно в своём ремесле!

– Выходит, Фейхтвангер заблуждался?

– Это ещё кто? – она вскинула кверху брови и нахмурилась.

– Да был один такой писатель начала прошлого века. Это он говорил: «Талантливый человек талантлив во всём».

– Дудки! – возразила Соня. – Вот уж дудки! Даже гений не может быть одновременно богом в мелиорации, хореографии и кинологии. Чего ты смеёшься? – она легонько стукнула его в плечо.

– Смешно! Кстати, Фейхтвангер ещё говорил, что от великого до смешного один шаг...

– ... но от смешного уже нет пути к великому! – вспомнила она известную цитату. – Намёк, что ли? – И она погрозила кулаком.

Густой в ранних ноябрьских сумерках воздух отдавал кутерьмой ароматов, смешанных тут же, в одном месте – на баррикадах площади Независимости. Пахло горелым железом – невдалеке сверкали зайчики электросварки – и костром; налитанными сыростью, испревающими на горячих телах одеждами; пахло валерьянкой и сердечными каплями; острыми приправами быстро-супов и щекочущими нос кофейными нотками. Сладковатые волны этого микса носились взад-вперёд, не находя выхода. Толпы митингующих, рассредоточенных по площади и далеко за её пределами, громко, казалось даже, нарочито громко чесали языками, гуторили друг с другом, о чём-то толковали, иногда перетекая броуновским движением из одного группки к другой. Пространство наполнялось звуками и самой разноголосой беседой. Ровный гул растревоженного улея царил над майданом.

Баррикады – сваленные в кучу парковые скамейки, сбитые шиферными гвоздями деревянные паллеты, строительные мешки с песком, местами дырявые; обломки старой мебели и даже рояль, массивный, белый, торжественный, взявшийся неведь откуда. В невообразимой какофонии вещей, в хаотическом и бессмысленном их нагромождении неизменно угадыва-

лось сочетание жёлтого и синего – неперенный диколор как символ украинского флага. Многие наносили незамысловатый двухцветный грим прямо на лицо, украшая щёки и шею звёздами Евросоюза.

Особенно громко гудела толпа ближе к центру, у стелы, увенчанной скульптурой девушки с венком. Здесь, на скамейке, снесённой из сквера, под тёмно-зелёным шатром, натянутым от дождя, сидели Соня и Кирилл.

– В тёплое время года тут много празднующейся молодёжи, – вспомнил Кирилл, однажды уже бывавший в этих краях совсем по другому поводу. – У подножия стелы бьют фонтанчики, а на ступенях хорошо сидеть, окунув ноги в воду.

– И милиция не гоняет? – удивилась Соня.

– Раньше гоняли. Фонтан был запретной зоной, но позже у приезжих стало доброй традицией окунаться и, знаешь, блюстители порядка просто перестали замечать. Махнули рукой – у них, наверно, хватает других забот.

– Напишешь об этом в своём блоге?

– Уже написал! – похвастался Кирилл. – И фотку приложил. Теперь по этим ступенькам гремят сапоги военных.

История знакомства – не из ряда вон. И случай-то почти банальный – познакомились в очереди, давно, три года тому назад. Студентка Ростовской консерватории имени Рахманинова София Субботина и аспирант-филолог Кирилл Виноградов. Общались полгода. Подружески. Но отношения выросли из рамок "друг по переписке". Когда чувства, разбуженные Кириллом, проснулись, Соня моментально закрылась от мира. Её кидало из крайности в крайность: от флирта к серьёзным отношениям и обратно. Словно на качелях. Но отчего-то с Кириллом пришла и ломка стереотипов – их приклеило друг к другу так крепко, что любые попытки третьих сторон из разлучить, оказались обречёнными на неуспех. А такие попытки предпринимались, словно кто-то или что-то оттачивал их иммунитет на злокозненность судьбы, готовившей за следующим зигзагом поворота новые и новые испытания.

Соня с треском вылетела из консерватории, провалив зимнюю сессию. Кирилл, окончив аспирантуру заочно, с весенним призывом ушёл в армию. Они оба колебались на грани зависимости друг от друга. Год прошёл в письмах и когда Кирилл вернулся, чувства захлестнули с новой силой – так любовь к одному человеку перерастает в любовь ко всему, чем он дышит. К его родителям, домашним животным, привычкам, увлечением, друзьям. В поиске себя Кирилл попытал удачи на ниве журналистики. Сонины интересы выплёрнулись в любовные стихи и живопись, игру на виолончели и фортепиано. Всё это перемешалось с желанием, надеждой, ожиданием. Она верила в чудо и видела его каждое утро, подле себя – всклокоченным, расчерченным следами линий от подушки, мирно посапывающим рядом.

Очень скоро пришлось уйти из журналистики, чтобы писать блог – Кирилл бы очень удивился, узнай он, что это история про него. Часто упоминая в беседах о блогерах, он не скупился на выражения, называя их в самом мягком приближении бесчестными пиарщиками и охотниками за рейтингами. Помог здесь, впрочем, один случай, вернее, разговор, заставивший Кирилла на многие вещи смотреть иными глазами.

– Монологи в газетах давно перестали волновать умы пытливых читателей, – посетовал как-то выпускающий редактор. – Интернет стал как обычное СМИ, с той единственной разницей, что монолог автора он превратил в диалог, сделав читающего сопричастным процессу.

На откровения Теймураза, безусловно, потянула пара рюмок водки. Сама беседа проходила за одним из столиков ресторана "Persona grata" на корпоративе одного издательского дома, где Кирилл не так давно ходил в чинах штатного корректора.

– Газета берёт своей численностью, – настаивал, однако ж, не сильно упорствуя, Кирилл. – Наш козырь – постоянность аудитории. А ещё – ностальгия. Газета – это полу-

ченная информации, которую можно про смотреть любое количество раз, в любое удобное время, в любом месте и даже подчеркнуть в ней нужное или важное, если требуется. И если угодно, неперменный атрибут утренней трапезы – снова она, и шуршащие страницы, и запах типографской краски...

– А-аа, – передразнил Теймураз, – ностальгия! Вот уж чушь! Речь о нас с тобой. Мы не потребители, мы создатели. От ностальгии не особо-то шуршит в кошельке, согласишься! А рецепт популярного журналиста вовсе не в многотысячных тиражах, а в количестве комментариев, друзей и репостов.

Как подобает пьяным разговорам – в них зиждется словесная разруха. И речи от рюмки к рюмке не блещут умом и красотой. Но зерно сомнения было посеяно и через несколько месяцев, едва подвернулся подходящий случай, оно дало всходы. Этим самым случаем послужил резонансный эпизод из жизни одного ростовского чиновника. Так в сети появилась первая запись блогера Виноградова. Взрыв откликов, заметки в СМИ и даже цитата в одном из известных немецких таблоидов. Успех пришёл неожиданно, он помог уверовать в свои силы и скрепить усвоенный урок, как говорят в таких случаях, третьим семестром или пятой четвертью. Спецрепортажи из горячих точек стали визитной карточкой Кирилла. «Писать тогда получится честно, – размышлял он в своём интернет-дневнике, – когда эмпирическим путём сок событий окропит написанные мною строки, тогда и только тогда словесная вязь обретёт эгрегора, ту самую душу, порождаемую мыслями и эмоциями людей в тех строках описанными». Не было и тени сомнения, что массовые акции протеста в Киеве на сегодня сенсация номер один. «Типичный оккупай, – сказал знакомый Кирилла Володя Колышев. – Начался так неожиданно, и так правильно. Очевидно он отличается от первого "оранжевого" майдана. Этих так просто не разгонишь. Этим подавай конкретное решение. Шансов прогнать власть до Вильнюсского саммита мало, но они есть. Интересная ситуация. Я бы поехал!» – И он посмотрел на Кирилла.

Резкий крик огласил площадь. Следом послышалась ругань.

– Митингующие конфликтуют, – пояснил Кирилл. – Надо туда, но у меня батарейка на камере в хлам. – Он повертел фотоаппарат в руках.

– Валя скоро будет, – обнадеживающе сказала Соня, поглядывая на часы. – Уже должен.

Над площадью вновь разнеслись дикие вопли. На периферии явно что-то происходило. Кирилл засуетился.

– Это возле Трубы, – пояснила Соня, перехватывая взгляд молодого человека.

– Надо бы туда! – Кирилл впопыхах захлопнул крышку ноутбука и кинул его в заплечный рюкзак. Камера полетела следом, вместе с термосом и чашками.

Метким названием Труба киевляне прозвали подземный переход, связывающий Майдан с Крещатиком. Подземный этаж и впрямь походил на трубу, где жизнь в межсезонье, пожалуй, бурлила сильнее, чем наверху. Бойкая торговля цветами и сувенирами, напитками и едой, частые выступления уличных музыкантов и просто любителей поразвлекать публику за пару медяков делали это место популярным и шумным.

Кирилл крепко схватил девушку за руку, вывел из-под широкого шатра, натянутого меж пяти алюминиевых распорок, и потащил за собой сквозь плотные ряды народных ополченцев.

– Куда? – не поняла Соня. Они не приближались, а удалялись от арены действий.

– Что значит "куда"? – в свою очередь не понял Кирилл. – В штаб. Я оставлю технику, а ты посторожишь, пока не объявится Валя.

– Думаешь, я ничего не понимаю, – вспыхнула Соня. – Всё прекрасно понимаю. Ты прячешь меня.

– Прячу, – легко сдался Кирилл. – Ещё накануне прошёл слух, что ночью бойцы "Беркута" устроят разгон демонстрантов.

– Но зачем?

– Ситуация накаляется. Они боятся кровопролития.

– Почему же не сказал сразу?

– Думал, до штурма успею сдать тебя Вале.

– Сдать Вале? – обиделась Соня. – Кирия, я же не вещь.

– Конечно, не вещь! – закричал Кирилл, стараясь быть услышанным в многотысячной толпе. – Именно поэтому в момент штурма я хочу, чтобы ты была в безопасности. Штаб для этого самое подходящее место. С моим журналистским удостоверением...

– Подожди, – жёстко перебила Соня. – А ты? Я не поняла. Разве ты останешься на площади?

– Я не могу по-другому, – пожал плечами Кирилл. – Я обязан быть здесь. Иначе, зачем всё это?

– Не согласна! – Она потянула руку и заставила Кирилла остановиться. – Неужели ты вправду решил, что я буду отсиживаться в четырёх стенах...

– Соня! – Кирилл прижал в себе девушку и крепко обнял. Моросящий дождь сыпался на них с хмурого вечеряющего, почти чёрного в ранних осенних сумерках, неба. – Телефоны не работают, но я буду на связи по рации. Обещаю! К тому же, со мной будет Валя. Я не могу, понимаешь, позволить тебе остаться в толпе. Это слишком опасно. Едва всё успокоится, мы снова будем вместе.

– Обещаешь? – губы и подбородок её запрыгали, задрожали. Соня вцепилась в Кирилла, не ослабляя объятий.

– Обещаю!

Штаб революции, упомянутый Кириллом в разговоре, находился в одном из двух захваченных оппозиционерами зданий Дома профсоюзов и Киевской рады. Фасад здания, разлинованный каменными решётками оконных проёмов, в четыре этажа высотой, сверкал огнями прожекторов надстроенной сверху башенки с электронными информационными табло. Оракул погоды и сигналов точного времени сегодня безмолвствовал – вместо привычных цифр на экранах мелькали видеокадры новой "оранжевой" революции.

У входа мужчина в серебристой куртке во всю силу своих лёгких орал в мегафон, призывая граждан не поддаваться панике и провокациям со стороны властей. На его широкой спине красовался наспех скроенный логотип объединения "Батьківщина". Он преградил дорогу двум молодым людям, направляющимся к дверям, и крикнул в мегафон, злобно сверля их маленькими волчьими глазками: «Нагадую, вхід і вихід в Штаби здійснюється виключно за спецперепустками!»⁵

– Где ваши бейджи? – рявкнул он, убрав усилитель в сторону.

– Я журналист, – поспешно сказал Виноградов, доставая из рюкзака удостоверение. – А это наш внештатный сотрудник. Она со мной.

– Почему без жилеток?

– Каких? – опешил Кирилл.

– Для прессы, – пояснил тот и махнул рукой. – Принято решение всем журналистам раздавать жилетки. Наши волонтеры таскают их стопками по всему майдану. Впрочем... можете получить в штабе...

– Обязательно! – пообещал Кирилл.

– Это в ваших интересах, – добавил мужчина с мегафоном. – А то лезете всегда в самое пекло, а потом бегаєте обиженні по судам, – он сплюнул. – Поди разбери в суматохе, где ваш брат папараца? Чай на лбу не написано!

⁵ Напоминаю, вход и выход в Штабы осуществляется по спецпропускам! (укр.)

Он пропустил их вперёд и снова стал в стойку, поднеся мегафон к губам. Проникнув внутрь, Кирилл и Соня влились в общий хаос. Матюгальник застрочил с удвоенной силой, его раскатистое эхо глухим баритоном блуждало по коридорам Дома профсоюзов, смешиваясь с интерьером и его не менее безобразными звуками.

Не задерживаясь на первом этаже, они влетели по лестнице на второй, где столкнулись с очередным дозором в лице двух молодцеватых ребят в пресловутых серебристых ветровках. Прямо на лестничной клетке скандалила пенсионерка, гневно сотрясая ридикюлем на длинном шёлковом шнурке. Орудую им, словно пращей, она норовила заехать в голову одному из дозорных, выросшему непроходимой стеной на пути пожилой женщины.

– Бабуся, у нас тут революція! – прикрываясь руками, защищался от нападок старушки один из них.

– До біса революцію! – скрипучим шепокляковским голосом возмущалась та. – Вона у вас завтра скінчиться, а мені жити з цим...

– Ну що дивитесь? Ток-шоу вам, чи що? – обратился второй к переминающимся в нерешительности с ноги на ногу Кириллу и Соне.

– Мы в пресс-центр! – смекнул Кирилл и, отсекая лишние вопросы, поспешно пояснил: – За жилетками.

– Так проходите! Чого стоїте...

Кирилл и Соня, не дожидаясь особого приглашения, прошмыгнули в дверь, чем окончательно разозлили старушку. Прицельным ударом она всё-таки умудрилась стукнуть зазевавшегося секьюрити по носу.

– Будете знати! – довольная собой выпалила пенсионерка.

Впрочем, продолжение блокбастера с участием старомодного ридикюля и её хозяйки Кирилл с Соней уже не увидели. Они окунулись в море нестерпимо-яркого электрического света. Когда глаза свыклись с переизбытком люменов, стало ясно, что комната набита СМИшниками, стоящими, сидящими, лежащими вокруг круглого фанерного постамента. Импровизированная сцена была заставлена лесом штативов с укрепленными на них микрофонами. На маленькой опушке этого леса, где-то в глубине сцены выступал человек, одетый в смокинг.

– Здесь есть бесплатный вай-фай и печенки, – дружелюбно произнёс Кирилл, усаживая Соню на один из разноцветных пуфов-мешков. Он положил рядом рюкзак с вещами и указал в сторону силовых кабелей, сваленных в углу и напоминающих своим видом большие макароны на тарелке. – Розетку отыщешь там. Ах да! – спохватился молодой человек, растёгивая клапан рюкзака и доставая изнутри две рации. – Вот! – он протянул одну Соне. – Восьмой канал, запомнила?

– Пообещай, что не будешь лезть на рожон? – потребовала она.

– Обещаю! – рассмеялся Кирилл. – Я даже обещаю перевоплотиться в гастарбайтера, потерявшего свою метлу. – Он кивнул в сторону оранжевых жилеток, сваленных в кучу на столе. Последние сильно напоминали униформу дворника, и если бы не поясняющая надпись на украинском "Преса", то отличить журналиста от работника клининговой компании стало бы задачей непосильной.

– Я серьёзно, – надула губы Соня.

– И я! – Кирилл поцеловал девушку и направился к груде целлофановых пакетов.

– Журналист! – Кирилл помахал волшебной корочкой угрюмому человеку со списком в руках, но тот даже не взглянул.

– Без разницы, – буркнул он. – Пишите в бланке кто вы и откуда.

Кирилл вписал данные и схватил пакет.

– А можно ещё парочку взять? – попросил он.

– Тебе что, на сувениры? – хмыкнул тот.

– Да не, коллегам...

– Коллег впиши – и бери!

– Аукцион неслыханной щедрости! – подивился Кирилл, подходя к Соне и вкладывая ей в руки хрустящий пакет. – Давай, давай! – Та в ответ поморщилась. – На всякий случай. Я и Вале захватил, и тебе. – И он продемонстрировал на собственном примере, как надо надевать жилет.

На обратном пути пожилой хулиганки не оказалось.

– Куда старушку-то дели, а, раскольниковы? – пошутил Кирилл.

Блюстители со скучающим видом курили сигареты, стреляя глазами по сторонам.

– Медикам передали. Нехай вони ї тепер заспокоюють, – с серьёзным видом ответили те, не уловив шутливой тон Кирилла.

Уже спускаясь по лестнице, блогер Виноградов слышал позывные рации, прикрепленной на клипсе к поясу. «Сонька, – подумал Кирилл, – решила устроить проверку связи» – но оказался не прав. На восьмой канал с позывными прорывался Валя.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.